

Когда двое умолкли, усталость, которую Хасэгава Тору прежде старался игнорировать, навалилась на него с новой силой. Рядом был надежный друг, и тело, расслабившись, начало отзываться острой болью, от которой сознание то и дело подергивалось туманом.

Самыми мучительными были раны на шее и спине.

Схватка с Пятой Высшей Луной выдалась тяжелой, и Накахара Чуя потратил немало времени, чтобы выбраться с ним из леса. Теперь Альфа был настолько измотан, что веки не слушались. Он закрывал глаза на десяток секунд, а затем с трудом заставлял себя их открыть.

В этом бесконечном цикле Хасэгава Тору оказался на пассажирском сиденье — Чуя буквально затолкнул его туда. Накахара прижал Альфу к спинке кресла и, склонившись, принялся регулировать положение сиденья.

— Ну надо же, и зачем было вырастать таким огромным? — проворчал он себе под нос, пытаясь дотянуться до ремня безопасности для Хасэгавы, чьи мышцы настолько онемели, что он не мог даже поднять правую руку.

Замок ремня находился с другой стороны, и Чуе пришлось податься всем корпусом вперед, забираясь в салон. Удержат равновесие в таком положении было непросто, поэтому он уперся свободной рукой в сиденье у самого бедра Альфы.

Хасэгава Тору смутно наблюдал за тем, как рыжеволосый Омега забирается внутрь. Его мозг, словно перебитая в кашу масса, отказывался соображать, что именно делает Чуя.

На самом деле Накахара Чуя идеально соответствовал традиционным представлениям об Омегах: невысокий, но ладно скроенный, с тонкой талией, длинными ногами и безупречным вкусом в одежде. В нем присутствовала та невольная, дикая притягательность, способная вскружить голову любому. Если бы он не был тем самым грозным повелителем гравитации, от поклонников в Йокогаме у него не было бы отбоя.

Но Альфа был начисто лишен подобных мыслей. Даже заметив, как нежно и белоснежно выглядит шея Омеги в обрамлении чокера, он не испытал ни малейшего трепета. Что уж говорить, если он даже утратил способность логически мыслить. Глядя на этот самый чокер, он запоздало вспомнил, что в пылу боя потерял блокатор феромонов.

Лезвие врага прошло в нескольких миллиметрах от сонной артерии, попутно перерезав ремешок, удерживающий устройство.

Где он его обронил?

Не вспомнить. Голова раскалывается.

Запасы Алисы в его теле после битвы истощились настолько, что не тратились даже на исцеление боли, не угрожающей жизни. Если бы Фуруя Рэй и Морофуси Хиромицу вернули ему кусочки кристаллов Алисы из своих оберегов, состояние Альфы значительно бы улучшилось, но Хасэгава Тору даже мысль об этом не приходила в голову.

Его мысли блуждали, цепляясь то за одно, то за другое.

Щелк.

Ремень застегнут.

Чуя, осторожно отстраняясь, подумал, что, кажется, заразился глупостью от своего друга. Почему он не пристегнулся, уже сев за руль? Это же было бы гораздо проще!

Сейчас он оказался в неловком положении: центр тяжести сместился, и он, стараясь не упасть, попытался опереться свободной рукой о приборную панель, чтобы выбраться из тесного пространства.

— ...

Горячая ладонь легла ему на талию.

Рыжеволосый Омега вздрогнул от неожиданности, едва не соскользнув прямо на бедро Хасэгавы, но в последний момент удержался. Он широко распахнул глаза, похожий на испуганного рыжего кота; кобальтовые зрачки расширились, а затем сфокусировались на лице Альфы.

— Ты... ты что творишь!

Хасэгава Тору растерянно посмотрел на него, не понимая, чем вызвал гнев друга.

— Просто помог, Чуя... — Альфа виновато произнес имя друга и замолчал.

Из-за долгого использования техники полного дыхания температура тела Хасэгавы поднялась до ненормальных отметок, и его ладони были просто раскаленными. Через тонкую весеннюю жилетку и рубашку Омеги жар проникал мгновенно.

Чуя почувствовал, как его собственная кровь приливает к лицу, а от бедер вверх, к голове, устремилось пламя. Щеки, кожа за ушами — все вспыхнуло.

Феромоны, которые он старательно подавлял с момента встречи с Хасэгавой, невольно

просочились из железы на шее, наполняя салон ароматом голубых колокольчиков.

— ...

А-а-а! Чуя, что ты делаешь!

Накахара был готов задохнуться от собственной реакции. Не обращая внимания на то, что происходит, он уперся коленом в крепкое бедро Альфы, быстро выскочил из машины и с грохотом захлопнул дверь.

Омега прижался спиной к дверце, словно только так мог перестать краснеть и свернуться в клубок. Он в отчаянии закрыл лицо руками, оставив на виду лишь покрасневшие щеки и уши.

А Альфа, оставшись в машине один, даже не понял, что произошло.

Хасэгава Тору, пребывая в полубреду, пытался сообразить, почему друг разозлился, но в таком состоянии озарение было невозможно. Разве что случилось бы чудо.

Он сидел в тишине, покорно скованный ремнем безопасности. Лесной ветер не достигал его, и лишь аромат, знакомый с давних лет, — сладковато-кислый, словно ледяная апельсиновая настойка в летний зной — едва заметно коснулся его плеча.

Хасэгава запоздало осознал: это правда, на которую он не получил ответа много лет назад. Это феромоны Накахары Чуи. Свежие, мягкие, они послушно замерли на левом плече, не пытаясь проникнуть в железы Альфы.

Вопреки властному характеру хозяина, его феромоны были на удивление покладистыми. Они даже не влияли на Хасэгаву, просто оставаясь на месте.

Лишь изредка они чуть заметно смешивались с ароматом колокольчиков в воздухе. Это было настолько незаметно, что медлительный шатен даже не почувствовал перемены.

Альфа не удивился, уловив запах Чуи — он ведь сидел в его личной машине, так что остатки аромата были вполне естественны.

Когда Накахара Чуя, взяв себя в руки, открыл дверь, Хасэгава Тору уже почти заснул. Шатен услышал шум и с трудом приоткрыл глаза. Омега сел в машину, и порыв ветра разогнал уютный аромат.

Увидев, что Альфа смотрит на него затуманенным, ничего не понимающим взглядом с красными от усталости следами в уголках глаз, Чуя протянул руку и накрыл ему глаза.

— Спи уже, дурак.

От его руки, облаченной в холодную черную перчатку, пахло табаком — видимо, он успел выкурить сигарету.

Прежде чем окончательно провалиться в темноту, в голове Хасэгавы возникла смутная мысль, которую он пробормотал едва слышно:

— ...Больше... люблю... Чую.

Убедившись, что дыхание Хасэгавы стало ровным, Чуя медленно убрал руку. С бесстрастным лицом он снял машину с ручника, завел двигатель и направился в сторону Токио.

Морофуси Хиромицу вышел из полицейского участка со смешанными чувствами. Он никогда не думал, что найдет убийцу своих родителей именно так. На мгновение ему захотелось ударить преступника, но он лишь крепче сжал кулаки, наблюдая, как того уводят под стражу.

— Странно только одно: куда делась Юри, о которой говорили и Тору, и Сотомори? — Фуруя Рэй скрестил руки на груди. Он не переставал думать об этом с самого начала. Стоило спросить Сотомори, как тот начинал нести бред о том, что Юри воскресла.

Но они были всего лишь будущими курсантами, и после дачи показаний им нужно было уходить. Детали дела требовали дальнейшего расследования.

Только потому, что Морофуси Хиромицу был выжившим в трагедии пятнадцатилетней давности, его задержали чуть дольше, чем Датэ Ватару и остальных, но, похоже, раскрывать ему все подробности пока не собирались.

— Пожалуй, все же позвоню Тору, узнаю, добрался ли он до дома, — вздохнул Хиромицу, доставая телефон.

На экране все еще светился номер Хасэгавы Тору.

Раздалось несколько гудков, а затем вызов сбросили.

Это был первый раз, когда Хасэгава не ответил и сбросил звонок. Хиромицу вспомнил, что и в прошлый раз разговор оборвался слишком поспешно. Связав эти события, трудно было не беспокоиться.

Хиромицу замер, почувствовав, как леденеют руки. Казалось, он снова оказался в том маленьком шкафу, а в носу снова запах крови.

Фуруя Рэй набрал номер снова.

На этот раз ответили быстро, но прежде чем они успели сказать хоть слово, послышался раздраженный голос молодого человека:

— Кто это? Если нет ничего важного, не беспокойте этого дурака, я сброшу.

Он говорил очень тихо, боясь разбудить спящего, но тон был жестким и не терпящим возражений.

— ...Кто ты такой? Дай трубку Тору, — Фуруя Рэй сузил свои серо-фиолетовые глаза.

Накахара Чуя одной рукой держал телефон, а другой — руль. Это было нарушением правил, но у него была гравитация, так что в крайнем случае он мог проехать хоть по стене. Омега покосился на беспокойно спящего Хасэгаву и раздраженно цыкнул.

— Он очень устал и спит. Раз у вас нет ничего срочного, больше не звоните.

Он нажал на кнопку отбоя, не теряя времени.

Гудки.

Телефон снова был отключен.

Морофуси Хиромицу и Фуруя Рэй переглянулись. Настроение у обоих испортилось, но звонить снова, чтобы потревожить сон Альфы, они не решились.

Они не то чтобы подозревали, что на другом конце провода враг, но даже сквозь приглушенный голос они уловили нечто, понятное лишь тем, кто сам когда-то был влюблен.

Немного раздражения, немного собственничества и... едва уловимый вызов.

Так кто же он такой для Тору?

У самого Накахары Чуи настроение было паршивым, а когда он увидел, что номер Хасэгавы Тору записан в контактах как избранный, стало еще хуже.

Хиромицу. Имя звучало так привычно и близко. Наверняка еще один человек, попавший под чары этого дурака.

Рыжеволосый Омега не осознавал, насколько грубо звучит его голос. Он лишь помог переключить телефон Хасэгавы в беззвучный режим и бросил его обратно в отсек для мелочей.

Только вот... ведь именно с этим парнем этот дурак сегодня ужинал, верно?

<http://bllate.org/book/18699/1807257>